

«Новые варвары» и старая Европа

Заметки к премьере «Битвы Арминия» Клейста
в театре «Амандье» в Нантере

театральность Айо, видимо, привлекает Журдэя, сделавшего с ним почти все свои спектакли.

Конечно, этот лес на сцене имеет не только эстетическую значимость, но и чисто функциональную. Деревья без листвы, одни только стволы, с кое-где приколотыми черепами, создают ощущение довольно мрачное; лес, как символ какой-то темной, давящей силы, помогающей германцам и давящей иноземцев-римлян. Потому что германцы составляют как бы единое целое с лесом — их костюмы блеклых тонов меньше выделяются на фоне стволов, чем яркая синяя, зеленая униформа римлян (вперемешку — светский и военный костюмы XIX века).

Реальная историческая личность,

атаки против римских легионеров. Герман, охваченный внезапным приступом меланхолии, предлагает одному из своих офицеров изложить вместо него солдатам план операции. Или начинает нелепый поединок с одним из своих подчиненных за право убить Вара, предводителя легионеров, причем нелепый до того, что даже сам Вар разводит руками от недоумения: дескать, посмотрите только на них, варвары, да и только! И еще. В отличие от других немецких князей, воюющих за «землю, за нацию, за победу над ненавистными иноземцами», в речах М.Кульмана — Германа постоянно акцентируется слово «свобода»: он борется за свободу. Отсюда — своеобразная гордость, достоинство, с какими ведет себя предводитель германцев и его

У режиссера Жана Журдэя, переводчика-германиста и профессора одного из парижских университетов, давно устоявшаяся репутация философа театра. Его спектакли в течение двух десятилетий были ориентированы на большие политические и философские идеи, при этом полностью отвергалась традиционная драматургия, несколько пренебрежительно называемая «театром фавулы». Журдэя ставил либо нетеатральные тексты — как «Опыты» Монтеня или «Фантазии» Кафки, либо «провокационные» — драматургию Хайнера Мюллера, первооткрывателем которого во Франции он является совместно со своим постоянным сорежиссером Жаном-Франсуа Пейре.

В «Битве Арминия» Журдэя впервые обращается не просто к традиционному театральному тексту, но к полузабытой, редко исполняемой даже в Германии, пьесе Клейста. Во Франции эту пьесу не играли никогда: написанная в 1809 году, в разгар наполеоновских войн, она носила слишком выраженный националистический и пропагандистский характер: битва германского вождя, предводителя племени херусков Арминия-Германа с римлянами во времена Августа (9-й год после Р.Х.), ассоциировалась с войной между Пруссией и Францией. Совершенно очевидно, что выбор Журдэем для постановки именно этой пьесы не мог быть случаен. Так кто же они, новые варвары конца XX века?

Когда занавес поднялся, по залу невольно прокатился вздох удивления: на сцене стоял настоящий лес, с проталинами, грязью, мхом. Причем подлинность его объяснялась не столько видимой натуральностью декораций, сколько тем, что деревья почти не оставляли просветов, т.е. площадок для игры актеров. За лесом угадывалось заснеженное пространство реки, позволявшее созерцать закат и восход солнца, изумительные по красоте. Можно сказать, что декорации художника Жилия Айо (не сценографа, а именно художника, одного из лидеров французской «nouvelle figuration») уже сами по себе являются предметом искусства. Именно нетрадиционность, некоторая даже анти-

Сцена из спектакля. Декорации Жилия Айо.

Арминий (или Герман) стал для немцев с течением веков чем-то вроде мифологического героя. Клейст и обратился к этому герою с тем, чтобы поднять национальные чувства. Вместе с тем его Герман — персонаж вовсе не однозначный. Да, он победитель римлян и освободитель германских племен, но вряд ли его можно назвать положительным героем — настолько тесно переплетено в нем положительное и отрицательное. Герман, как говорит о нем Журдэя, «герой и лжец, гений и предатель одновременно». Потому что именно ценой предательства (он тайно сговаривается с Марбодом за спиной римлян, союзников Германа против этого последнего). Герману удается победить легионеров Вара; ценой хитрости сплотить вокруг себя германские племена (он распространяет слухи о «жестокостях» римлян, инспирируемых его собственными слугами); ценой лжи вернуть расположение Туснельды, которую до этого он сам же цинично толкал в объятия римского посланника Винтидия. Но, пожалуй, самое удивительное то, что вождь воинственных германцев в исполнении Мишеля Кульмана не чужд своего рода рефлексии, причем она проявляется у него в самые неподходящие моменты. Например, в момент решающей

жена Туснельда — Эмманюэль Гранже.

Однако то ли способ, выбранный для достижения свободы, оказался слишком низменным, то ли затравленные лица его соотечественников тому виной, но только в финале, после известия о победе, в момент ожидаемого ликования, Герман остается лежать на земле, скрючившись. Так что «счастливой развязки» как-то не получается.

Конечно, и римляне в спектакле Журдэя отнюдь не ангелы, но в отличие от германцев, действующих по известному принципу «цель оправдывает средства», они четко придерживаются буквы закона и договора. Обобщая, можно сказать, что римляне в спектакле — представители европейской цивилизации, построенной по принципу «римского права». Тогда кто такие сегодняшние «германцы»? Хотя действие и происходит в Тевтобургском лесу, все выдает в них жителей степей, кочевников, азиатов: отороченные арабские кафтаны, шаровары Туснельды, турецкий костюм советника князя Марбода, разостланные ковры, которыми обозначается «дом» Германа, и породистые скакуны, постоянно прогуливающиеся за деревьями. Впрочем, в понятие «азиатов» здесь, видимо, легко входит и Россия: шапка-ушанка — один из навязчивых атрибутов воинов Германа, так же как несколько раз промелькнувшие серые офицерские шинели...

Серьезно разыгрывая в «Битве Арминия» вариант спектакля «большого жанра», Журдэя все же не может себе отказать в удовольствии сыронизировать, как, например, в эпизоде с мотоциклеткой, на которой увозит на прогулку римский легионер Винтидий жену Германа Туснельду, «Тутунет», как ласково, на французский манер переделал ее имя Журдэя (он же переводчик пьесы совместно с Жаном-Луи Бессоном).

ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж